

Эта мазь действует очень быстро, но когда она только попадает на кожу и соприкасается с кровью, возникает сильнейшее жжение.

Цзин Шии стиснул зубы, силясь не издать ни звука, однако от боли его глаза невольно заволокло слезами, которые застыли на ресницах, так и не скатившись по щекам.

Цзин Фаньшэн невольно смягчил движения, став ещё осторожнее. Он заговорил мягче, но всё же строго спросил:

— Из-за чего вы вообще сцепились с этой толпой? Цзин Шии, ты совсем осмелел, раз вздумал затевать драки прямо в городе?

— Они оскорбляли тебя, — глядя ему прямо в глаза, чеканно произнёс Цзин Шии. — Они всё время оскорбляли тебя.

Цзин Фаньшэн нетерпеливо отмахнулся:

— Разве я не говорил, что это нё...

Его голос оборвался на полуслове.

Этот ребёнок и впрямь заплакал.

С тех пор как Шии подрос и стал рассудительным, он почти не плакал... Цзин Фаньшэн совершенно не умел утешать людей и вмиг растерялся, не зная, за что и схватиться.

— Но ты ведь ничего этого не делал! Ты вовсе не грабил конвои с ценностями! — нарушая привычное послушание, сорвался на крик Цзин Шии. Его покрасневшие глаза пылали, голос почти сорвался на хрип. — Почему ты не оправдываешься?! Эти люди! Да любой негодяй может выдавать себя за тебя, может оклеветать тебя! Почему ты даже не пытаешься защитить своё имя?!

— Я...

— Они все травят тебя, валят на тебя вину, но почему ты не сопротивляешься, почему согласен жить вот так?! — Шии яростно утёр слёзы.

Цзин Фаньшэн был ошеломлен, не находя слов в ответ.

И правда, почему он жил такой жизнью?

Дело вовсе не в страхе. Цзин Фаньшэн сроду не знал, что такое бояться или поджимать хвост.

Просто ему вечно было лень с кем-то разбираться, вот он и плыл по течению. Какая разница, сколько чужих смертей ему приписали? Убил он их на самом деле или нет — ну добавится ещё одна жизнь на его счет или убавится, что это меняло?

Раньше ему казалось: какой смысл оправдываться или давать отпор? Верят ему окружающие или нет, видят ли в нём нынешнего злого духа или прежнего Истинного человека Цзин — разве есть между этим хоть какая-то разница?

Сколько жизней оборвалось тогда на горе Чунмин — всё равно их уже не вернуть.

Его наставник, дяди-наставники, братья и сестры — все они исчезли в одно мгновение.

И никогда не вернутся.

Даже он сам... больше никогда не сможет стать прежним Цзин Фаньшэном.

Раньше он думал именно так.

Тяжкие, незаживающие раны, постоянное помрачение рассудка, упадок сил. Казалось, вот так, в полузабытьи, пролетели больше десяти лет.

Но неужели он и впрямь остался совсем один? Глядя на то маленькое лицо, в котором читались обида, упрямство и такое знакомое сходство с его собственными чертами, Цзин Фаньшэн вдруг подумал: с чего он решил, будто у него ничего не осталось?

Он никогда не был одинок.

Пусть ему плевать на чужие сплетни и он влачил дни в беспамятстве, сльвя пугающим и отвратительным злым духом, но как же Шии?

Как быть с Шии, который ни за что на свете не соглашался отказаться от своих слов и признать, что он — не сын Цзин Фаньшэна?

Неужели обречь и его на ту же участь? Чтобы мальчик вечно прятался, жил отшельником вдали от людей или тоже превратился в изгоя без друзей и товарищей, в такого же злого духа?

Да ведь Цзин Шии нынче исполняется всего четырнадцать лет!

Глядя на упрямое личико сына, Цзин Фаньшэн чувствовал, как сердце сжимается от боли, словно его разрывает изнутри каким-то смертоносным артефактом.

Он думал о том, что, пожалуй, хуже отца сыскать во всём белом свете.

Вспомнил, в каком ужасном состоянии пребывал, когда Шии только появился на свет, вспомнил, что почти не занимался воспитанием ребёнка, а теперь мальчишка и вовсе пострадал из-за него...

Неужели и вправду не осталось ни малейшего выхода?

Действительно ли впереди не было дороги или он просто слишком цеплялся за прошлое, то и дело оглядываясь назад?

Словно очнувшись от тяжёлого сна, Цзин Фаньшэн в одно мгновение прозрел и многое для себя уяснил.

Стоило распутать этот узел и обрести цель, как на душе сразу стало легко. Впрочем, он тут же вернулся к своему обычному беззаботному виду, с лёгкой усмешкой бросив:

— Ладно, об этом после. А ну-ка снимай одежду, я буду тебя лечить!

Шии: «...»

Шии никак не мог взять в толк, отчего Цзин Фаньшэн так резко меняет темы, но, видя его беспечную улыбку, злиться расхотелось ещё больше.

Цзин Фаньшэну пришлось пойти на уступки:

— Ладно-ладно, я понял. Отныне, кто бы это ни был — хоть самозванец, хоть клеветник, — попадись он мне на глаза, клянусь, я отлуплю его так, что собственный отец не узнает! Доволен?

Свирепое выражение лица, напущенное на его самую обыкновенную, ничем не примечательную физиономию, выглядело донельзя комично.

Цзин Ши наконец не выдержал: пусть он и не расплылся в улыбке, но судя по выражению его глаз, на душе у мальчика стало куда легче.

Уж кто-кто, а собственный сын знал нрав Цзин Фаньшэна лучше всех. Ши подумал: если принимать всерьёз все его выходки, так и до сердечного приступа недалеко.

Заметив, что сын ему не верит, Цзин Фаньшэн поспешил заверить:

— Я ведь серьёзно! — Он засучил рукава и воинственно заявил: — Первым делом пушу в расход ублюдка, который грабит караваны под моим именем!

Нынче полно желающих продавать духовные артефакты под вывеской Горы Куньлунь или Господина Сяожань, торговать пилюлями, прикрываясь именем Чэнь Фаньшу, или сбывать талисманы от имени Дворца Сяосян, но вот чтобы творить пакости под именем самого Цзин Фаньшэна... Ему так и хотелось поднять большой палец и похвалить этих мошенников за сообразительность.

Выходило очень удобно: грабь богатеев, отнимай жизни, а стоит назваться Цзин Фаньшэном — и дело в шляпе. В конце концов, после всех злодеяний можно просто сменить личину, а люди всё равно спишут все преступления на его счёт, на счёт этого взбалмошного и кровожадного демона.

...Словно он какой-то прародитель всех этих негодяев. Представив себе, как негодяи перед выходом на дело молятся на его портрет, Цзин Фаньшэн невольно снова так хохотнул, что едва не согнулся пополам.

Цзин Ши: «...Ты это всерьёз?»

Ши изо всех сил пытался вернуть Цзин Фаньшэна к прерванному разговору.

— К-конечно всерьёз! — Цзин Фаньшэн похлопал себя по покрасневшим от смеха щекам и уже с деланной серьёзностью добавил: — Не переживай, с тем мерзавцем я непременно разберусь, устрою показательную казнь для остальных!

Но, если подумать, это и правда странно. Все эти годы он уединённо жил в Долине Запретного Края и почти носа оттуда не казал, однако каждый раз, стоило ему выйти наружу, как до него доносились слухи о новых преступлениях Цзин Фаньшэна. И всё же за десяток с лишним лет люди продолжали мусолить всё те же старые истории пятнадцатилетней давности? Неужели за все эти годы выходки тех, кто выдавал себя за него, были настолько мелкими, что и упоминания не стоили?

А вот грабёж каравана — это уже крупное дело.

И надо же было такому случиться, что он столкнулся с этим сразу же по выходе из долины. Какая удача.

Цзин Фаньшэн мысленно похлопал себя по плечу. Хм, пожалуй, он сможет использовать это происшествие себе на пользу и попытаться вернуть своё доброе имя... ну или что-то в этом роде.

Янь Сяожань повернулся к ученикам, лица которых так или иначе украшали следы недавней потасовки. Выражение его лица стало ледяным, словно морозный воздух вокруг него вот-вот покроется инеем.

Увидев суровый лик Господина Сяожань, adeпты ещё не до конца отошли от шока после недавнего спасения, как вдруг разом сообразили: со стороны всё это выглядит так, будто их, зачинщиков драки, прямо на месте преступления застукал сам глава секты.

— Глава! — красавец Лю Ицзун сжав зубы выступил вперёд и поклонился Янь Сяожаню: — Тот парень в чёрном напал на нас первым, он похитил Ифана...

— Дядя! — подросли как раз вовремя Чу Юньгуань и Янь Линлун. — Что здесь случилось?

Чу Юньгуань принадлежал к старшему поколению учеников с иероглифом юнь в имени и приходился остальной молодёжи старшим братом-наставником. Несколько облачённых в белое юношей поспешно отвесили ему поклон.

Заметив, что лица её старших братьев-соучеников покрыты синяками и ссадинами, Янь Линлун удивленно воскликнула:

— Что вообще произошло? Мы издалека увидели сигнальную стрелу, а потом сигнал бедствия у городской стены. Кто посмел вас обидеть?!

Все эти юноши были молоды — старшему едва ступило восемнадцать или девятнадцать лет, — и на горе они все неплохо ладили с Янь Линлуном. Каждый из них питал к этой миловидной и бойкой девчужке ту или иную степень симпатии, а учитывая, что Господин Сяожань извечно относился к Янь Линлуну со снисходительным покровительством, увидев её здесь, подростки почувствовали себя гораздо увереннее и уже не так боялись гневного взгляда главы.

— Подумаешь! Да этот сопляк ни кола ни двора, выродок беспризорный! — выругался Лю Ицзун, зажимая разбитый уголок рта. — По мне, он ничем не отличается от своего папаши! Оба — сумасшедшие!

— Ифан! — хором оборвали его остальные юноши, вовремя вспомнив, что наставник смотрит на них взглядом отточенного меча.

Наконец Янь Сяожань заговорил:

— Рассказывайте всё как было, от начала и до конца.

Заметив потрёпанный вид юношей, Янь Линлун предложила:

— Старшие братья ранены, дядя. Может, сначала найдём, где передохнуть, и там всё спокойно обсудим?

Янь Сяожань окинул взглядом окрестности и, видимо, посчитав это место неподходящим для беседы, молча кивнул и первым зашагал прочь из переулка.

Толпа парней в форменных одеждах Секты Меча Улян, щеголявших синяками во всю щеку,

выглядела колоритно: правда, ещё до выхода из переулка в их телах автоматически сработала Техника Очищения Одежд, вмиг стряхнув всю пыль и грязь. И всё же шествие по улице в таком виде производило неизгладимое впечатление.

Судя по всему, Янь Сяожань посчитал подобный позор излишним, поэтому решительно направился в ближайший постоялый двор.

Заняв просторные покои, Янь Сяожань с каменным лицом устроился за столом, Янь Линлун и Чу Юньгуань присели рядом, а несколько побитых учеников остались стоять навтыжку, с унылым видом ожидая допроса. На самом деле эти подростки и сами толком не понимали, что произошло. У городских ворот они случайно встретили монаха по имени Цзыцзюэ и заклинателей из охранного агентства, которые чуть не подверглись нападению. Узнав, что те тоже везут груз в Секту Меча Улян, молодые люди попутно вошли с ними в город.

Поскольку они опасались, что это может орудовать тот самый великий злодей Цзин Фаньшэн, а справиться с ним в одиночку подростки боялись, они выпустили в небо предназначенную для связи внутри секты сигнальную стрелу и решили затаиться в городе в ожидании подкрепления.

Кто бы мог подумать, что стоило им лишь немного погулять и поглазеть по сторонам на рынке, как Лю Ифань внезапно был схвачен: кто-то зажал ему рот рукой и втащил в ближайший переулок.

Хотя эти юноши были еще совсем молоды, они уже состояли во внутренних учениках Секты Меча Улян, что доказывало их выдающийся талант и то, что они давным-давно ступили на путь самосовершенствования. Даже у самого слабого из них уровень культивации находился на поздней стадии Закладки Основания. Тем не менее, за столько лет они впервые столкнулись с ситуацией, когда кто-то утаскивает человека, не используя духовную силу, а полагаясь исключительно на грубую физическую силу.

Хотя остальные подростки и сообразили вовремя, что произошло, они тут же остолбенели, а когда бросились в погоню, лицо Лю Ифана уже превратилось в сплошное синее месиво.

Все юноши отличались горячим нравом, и разве могли они проглотить обиду, видя избитого товарища? То, что они вообще вспомнили о городских правилах, запрещающих драки, можно было считать большим достижением.

И тогда началась ожесточенная драка с тумакami и пинками.

— Разве он не сказал, за что тебя избил? — спросила Янь Линлун, аккуратно смазывая мазью раны Лю Ифана, пострадавшего сильнее всех.

Остальные подростки, закончив рассказывать о случившемся, принялись сами обрабатывать друг другу царапины и синяки.

Раны у заклинателей заживали гораздо быстрее, чем у обычных людей, и шрамов практически

не оставалось, однако ходить с разукрашенными физиономиями было ужасно неприятно, так что было бы лучше, если бы всё поскорее зажило.

Лю Ифань со злостью в голосе произнес:

— Ничего подобного! Этот сопляк молчал как рыба, бил быстро и жестоко, и норовил угодить прямо по голове и лицу!

Слушая их описание, Янь Линлун невольно вспомнила того юношу в маске, которого они встретили в городе Лянъи. Сопоставив маску, поведение того парня и его несколько помешанного отца, она решила, что на девяносто процентов это были именно они. Вспомнив, как прямо и нестигаемо держался тот темноволосый юноша, она недоверчиво произнесла:

— Не мог же он избить тебя просто так, без всякой причины.

— Я же говорю, этот парень психопат! — выругался Лю Ифань.

Зато отличавшийся неизменной проницательностью Лю Ицзун вдруг задумался:

— Неужели всё из-за того, что Ифань... ругал Истинного человека Цзин?

Услышав это, Чэнь Исян тоже вспомнил: они только что временно расстались с отрядом охранников, чтобы прогуляться по рынку, а у Ифаня вечно был недержанием язык — на базаре он и впрямь всю костерил этого Цзин Фаньшэня.

Однако Господин Сяожань не стал заикливаться на драке группы сопляков.

Хотя эти юноши и нарушили правило секты, затеяв несанкционированную драку, зачинщиками в конце концов были другие, к тому же они честно дрались врукопашную, не пуская в ход духовную силу, так что Янь Сяожань не собирался их винить.

Куда больше, чем нарушение правил секты внутренними учениками, его, похоже, интересовало то, что происходило перед самой дракой.

Он спросил:

— Где сейчас те охранники, которых вы встретили перед входом в город?

Чэнь Исян ответил:

— Они сказали, что выбились из сил после дороги и нового нападения, поэтому сначала вернулись в постоянный двор, чтобы отдохнуть.

Янь Сяожань кивнул и снова спросил:

— Они утверждали, что подверглись нападению Истинного человека Цзин, но видели ли вы сами тех, кто перехватил их груз?

— Это... — подростки переглянулись. Хотя они не понимали, к чему глава секты задает такие вопросы, если подумать, они действительно не встретили того Злого Духа по фамилии Цзин.

Чэнь Исян обладал самым высоким уровнем культивации среди них и отличался наибольшей прямоотой и честностью, так что остальные юноши во всем брали с него пример. Выдержав паузу, он произнес:

— Этого... поистине не было. Мы лишь заметили, что те охранники были ранены, выглядели крайне потрепанными и шли вместе с маленьким монахом. Нам просто стало любопытно, и мы расспросили их о том, что случилось.

Лю Ицзун внезапно вставил:

— Самое странное, что сначала те охранники мялись и никак не хотели говорить, что произошло, а вот тот маленький мастер охотно поведал нам обо всем.

— Разве тут есть что-то странное? — возразил другой юноша. — Ицзун, ты вечно всё усложняешь. Те охранники в любом случае везут товар в нашу секту, и им, должно быть, просто стыдно признавать, что им потребовалась наша помощь.

— Но... — Лю Ицзун чувствовал, что что-то здесь не так, но никак не мог понять что именно.

Янь Сяожань снова кивнул, слегка провел пальцем по краю пиалы и произнес:

— Я понял.

Хотя все эти юноши числились внутренними учениками, их глава обычно вечно отсутствовал на горе, а сами они были слишком молоды и не имели достаточно возможностей часто видаться с Господином Сяожанем. И хотя сейчас их едва не сковало льдом от естественного холода, исходившего от Янь Сяожаня, и они не смели лишний раз раскрыть рот в его присутствии, уходить им совсем не хотелось.

Подростки переглянулись и в конце концов вытолкнули вперед Лю Ицзуна, которому доводилось общаться с Янь Сяожанем чуть чаще остальных. Лю Ицзун осторожно поинтересовался:

— Тогда, Уважаемый Секретарь, по вашему мнению... те мастера эскорта...

Янь Сяожань ответил:

— Раз уж они тоже направляются в Секту Меча Улян, ступайте и передайте им, чтобы они отдохнули и отправлялись в путь вместе с вами.

— Вы тоже возвращаетесь в секту, Уважаемый Секретарь? — радостно воскликнул один из

юношей. — И при этом вернетесь с нами!

Однако Господин Сяожань никогда не отвечал на столь бессмысленные вопросы и продолжил:

— Возвращайтесь вместе, а я буду защищать вас из тени.

— Слушаемся...

Несколько юношей тут же слегка поникли.

Но, подумав, они сочли это логичным. Если бы Секретарь путешествовал вместе с ними, то как посмел бы объявиться Цзин Фаньшэн? А если бы тот не показался, как бы они смогли его поймать?

При этой мысли глаза юношей загорелись, и в них читалось глубочайшее восхищение.

Если бы они не знали, что Господин Сяожань всегда отличался суровостью, непоколебимостью и не выносил пустых слов и лести, они непременно воскликнули бы: Мудрое решение, Уважаемый Секретарь!

Янь Сяожань еще раз окинул их взглядом, чуть дольше задержавшись на юго-угольном углу, и произвел:

— Все свободны, идите отдыхать...

Его слова еще не затихли, а он сам уже исчез в мгновение ока.

Тут же все юноши, включая Янь Линлун и Чу Юньгуаня, растерянно переглянулись, не понимая, что произошло.

Стоило Господину Сяожаню удалиться, как все устремили взгляды на Чу Юньгуаня.

Гора Улян, как и другие крупные секты, на протяжении тысячелетий принимала учеников вол за волной, а у тех, в свою очередь, появлялись собственные ученики. В итоге даже люди одного возраста могли принадлежать к поколениям, разнящимся на несколько ступеней. Поэтому, за исключением прямых учеников главы и старейшин, все остальные именовались строго по порядку иероглифов своего поколения.

Хотя Чу Юньгуан уже перешагнул столетний рубеж, поколения «и» и «юнь» разделяло не так уж много, и потому младшие неизменно звали его старшим братом.

Чэнь Исян спросил:

— Старший брат Чу, что же нам теперь...

Чу Юньгуан произвел:

— Идите отдыхать, и не покидайте эту постоянную усадьбу до возвращения Секретаря.

— Слушаемся.

Хотя в повседневной жизни Цзин Фаньшэн привык болтать языком без умолку и нести всякую чепуху, он никогда не разбрасывался обещаниями попусту.

Потому что любое данное им слово имело для него колоссальное значение. И если уж он что-то пообещал, то должен был во что бы то ни стало исполнить.

Успокоив Цзин Шии и оставив ребенка отдыхать в комнате, Цзин Фаньшэн решил самостоятельно отправиться на разведку. Не успел он ускользнуть из постоянного двора, как заметил две мелькнувшие в небе фигуры — синюю и белую, которые пронеслись одна за другой с невероятной скоростью, оставляя за собой лишь цветные остаточные следы.

Цзин Фаньшэн на мгновение замер, долго колеблется, но в конце концов топнул ногой, призвал летающий меч и бросился в погоню.

За пределами Города Ючжоу расстояние между белым и синим силуэтами постепенно сокращалось. Когда белый силуэт уже почти касался полы синей одежды, человек в синем наконец приземлился на землю.

Убрав летающий меч в ножны, Син Жаньгэ развернулся и с загадочной улыбкой произнес:

— Господин Сяожань по праву носит звание великого мастера на поздней ступени Разделения Духа. Поначалу, услышав об этом от других, я даже не поверил.

Перед ним стояла молодая женщина с ясным взором и белозубой улыбкой, прекрасная, как нефрит. Она была облачена в парчовые синие одежды, поверх которых накинута водянисто-голубая марлевая накидка. Ее облик дышал благородством, а в полете она и вовсе казалась ослепительно красивой, словно парящая бессмертная.

Янь Сяожань тоже опустился на землю. Нынешний уровень его культивации позволял летать по небу и доставать луну без помощи каких-либо магических артефактов или летающих мечей.

Тот не использовал никаких магических сокровищ, но она все равно не смогла обогнать его. Этот факт немного омрачил лицо Син Жаньгэ, чья культивация уже достигла Стадии Зарождающейся Души.

Янь Сяожань бесстрастно произнес:

— Девушка Син столь тайком околачивалась у дверей моих покоев — интересно, с какой целью?

Син Жаньгэ явно была крайне не согласна с формулировкой тайком. Нахмурившись, она перешла прямо к делу:

— Я слышала, что Господин Сяожань повсюду разыскивает Цзин Фаньшэня, вот и захотела взглянуть.

Они стояли друг напротив друга в густом, заросшем высокими деревьями лесу. Ни один из них не заметил, что неподалеку от них рос тонкий саженец высотой всего в человеческий рост, который совершенно не вписывался в окружающий пейзаж исполинских древних деревьев.

Будучи обладателем природной древесной стихии и обладая особым телосложением, Цзин Фаньшэн сохранял немалую уверенность в своей способности превращаться в дерево. Он полагал, что даже мастер поздней ступени Разделения Духа вряд ли сможет это обнаружить.

Стоило ему только превратиться в маленькое деревце и начать потихоньку, без единого звука приближаться к беседующим, как он услышал холодный голос Янь Сяожаня:

— А каким же образом девушка Син отыскала меня? Отсюда до Дворца Сяосян путь неблизкий.

Видя, что тот по-прежнему держится с ней холодно и отчужденно, Син Жаньгэ невольно подумала: «Как ни крути, а мы знакомы уже много лет, но теперь, при виде меня, Янь Сяожань ведет себя так, будто смотрит на совершенно чужого человека».

<http://bllate.org/book/22149/2307421>